

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Пьеса «Вишневый сад». Темы, мотивы, символы

Можно определить несколько основных тем пьесы. Главная тема: гибель «дворянских» гнезд, разрушение старого уклада жизни; смена дворянского мира с его обветшавшими ценностями миром предпринимателей; нарастание революционных идей о глобальном переустройстве жизни («Мы насадим новый сад, лучше этого!»), воплощение которых у писателя вызывают большое сомнение. Это, безусловно, та самая «злоба дня» начала XX века, которая вызвала к жизни сам замысел пьесы. Но классическое произведение всегда многослойно, и смысл его оказывается порой глубже и шире замысла. Зрителям и читателям сегодняшнего дня в этом произведении видятся и другие темы, не менее важные и для автора в пору написания: конфликт поколений, трагедия непонимания людей друг другом; отсутствие в жизни гармонии и любви; неприютность и отсутствие корней, привязывающих человека к дому, к родине, к памяти предков.

Но, может быть, самой актуальной темой этой прощальной пьесы Чехова является тема гибели красоты в жизни людей, исчезновение из их жизни «животворящих святынь», связующих поколения, уничтожение культуры, символично изображенной в образе вишневого сада.

В. Мейерхольд замечал: «Это веселье, в котором слышны звуки смерти».

Чехов перечеркивает шаблонные сюжетные ситуации, стандартные решения хода событий, разрушает привычные стереотипы создания драматических коллизий: «Во всей пьесе ни одного выстрела». Зачем же в руках у Шарлотты появляется ружье? Ружье, которое обязательно должно выстрелить, можно считать обычным и примелькавшимся приемом. Чехов применяет этот прием как бы «наоборот». Ружье не стреляет. Между тем, убийство в пьесе есть. Убит вишневый сад. Убита красота. Все это происходит без выстрелов, но от этого впечатление становится еще более сильным.

Действие «Вишневого сада» психологически насыщено, его напряженность поддерживается «случайными» репликами, приобретающими символическую окрашенность. Пример диалога героев, которые у Чехова никогда не слышат друг друга, пребывая каждый «на своей волне», в своем собственном внутреннем монологе:

Л о п а х и н . Надо окончательно решить, — время не ждет... Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!

Л ю б о в ь А н д р е е в н а . Кто это здесь курит отвратительные сигары...

Г а е в . Вот железную дорогу построили, и стало удобно. Съездили в город и позавтракали...желтого в середину! Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию...

Л о п а х и н . Только одно слово! Дайте же мне ответ!

Г а е в (*зевая*). Кого?

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*глядит в свое портмоне*). Вчера было много денег, а сегодня совсем мало...»

Очень важны внесловесные средства (паузы, жесты персонажей, «посторонние» звуки, мелочи обстановки), создающие психологический подтекст. Вот перечень «посторонних» звуков в «Вишневом саду»: скрип сапог «недотепы» Епиходова, игра на свирели пастуха, звуки «нашего знаменитого еврейского оркестра: четыре скрипки, флейта, контрабас», звуки игры на бильярде и т. д.

Во втором действии во время диалога героев, который похож на параллельные монологи — настолько они не способны слышать друг друга, — вдруг раздается «отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий и печальный». Замечательна реакция героев и направление их взгляда:

Лопехин — взгляд вниз, реалистичный, конкретный: «Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко».

Гаев — взгляд вверх, неопределенный, абстрактный: «А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли».

Трофимов — взгляд в ночь, безразличный, но навевающий тревогу: «Или филин».

Раневская — взгляд в себя, нервный: (вздрагивает) «Неприятно почему-то».

Фирс — взгляд в прошлое, которое на самом деле для героев — будущее: «Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь... перед волей...»

Это не просто обмен мнениями по поводу непонятого звука: это их разнонаправленный диалог-монолог, это их реакция на звук жизни, «лопнувшей» под ударом Судьбы. У каждого героя пьесы есть какая-то, с первого взгляда, незначительная мелочь, деталь, привычка, жест, которые сопровождают его на протяжении всего действия. Для Лопехина эта деталь — различные цифры, будь то упоминание десятин земли, процентов, верст, прошедших лет, а также часы, на которые он часто смотрит: не случайно его первый вопрос — «Который час?». Лопехин — человек дела, его мир — мир цифр и точных расчетов, приблизительности в этом мире не может быть. Раневская все время что-то роняет из карманов: телеграммы от французского любовника, кошелек, из которого высыпаются монеты. Ее жизнь как бы рассыпается, теряется в ней что-то главное — вот и детали об этом говорят. У Вари на поясе звенят ключи, которые она в последнем действии демонстративно бросит Лопехину. Она пытается вести хозяйство в разоренном доме, как-то удержать его от конечного разрушения, но двери перед Судьбой не запрешь, ключи не помогут, все оказывается напрасно. Бильярд для Гаева — способ уйти в игру от страшной неуютной жизни, как-то спрятаться, немножко впасть в детство. Потому и бормочет он: «Желтого в середину». Потому и ходит за ним старый Фирс, как за ребенком: то пальтишко принесет, то выберит «недотепой». Даже такой, казалось бы, второстепенный персонаж, как лакей Яша, наделен своей особой «деталью»: от него все время чем-то пахнет — то «отвратительными сигарами», то курицей, то селедкой, то выпитым втайне хозяйским шампанским.

Особенную роль в пьесе играют «внесценические» персонажи, которых упоминают герои, которые также как-то участвуют в общей нелепости жизни. Это дочь Пищика Дашенька, читательница Ницше; какой-то Евстигней, интригующий на кухне против Вари; любовник Раневской, оставшийся в Париже и забрасывающий ее телеграммами; мать Яши, которой никак не удается встретиться со своим сокровищем-сыном; купец Дериганов, с которым Лопехин сражается за право владения именем, и др.

Есть в пьесе несколько устойчивых мотивов. Самый отчетливый — это мотив «повреждения, урона». Например, все, происходящее с Епиходовым, имеет один общий признак — нелепого повреждения. Уронил букет, сломал кий, смял чемоданную картонку, повредил себе голос. Но и этого мало: Епиходов как будто отбрасывает большую тень на другие персонажи. К «двадцати двум несчастьям» Епиходова прибавляются другие. Лопехин дважды опоздал на поезд; Аня растеряла все шпильки; Дуняша, которую обнял Яша, блюдечко разбила; Любовь Андреевна уронила портмоне, рассыпала золотые; Петя Трофимов с лестницы упал. Ряд предметов, в которых воплощено в комедии значение «утраты», «неудачи» и «повреждения», может быть продолжен: пустые стаканчики (шампанское «вылакал» лакей Яша), разбитый градусник, оброненный букет цветов, потерянные калоши... «Утрата» и «бессмысленное существование в негодном к употреблению виде» могут и персонифицироваться (смерть «внесценических» няни и Афанасия, старение Фирса и Пети Трофимова, которого одна баба в вагоне назвала «облезлый барин») и «опространствоваться»: вишневый сад рубят, дом и усадьба Гаевых обречены на слом.

Еще один мотив — смерти, кладбища, гробов. Дух смерти, угасания веет над произведением. Поясняя декорации ко второму акту, Чехов писал Станиславскому: «Кладбища нет, оно было очень давно. Две-три плиты, лежащие беспорядочно, — вот и все, что

осталось». Раневская упоминает умершего мужа, погибшего сына, в цветущем саду ей чудится покойница-мать. Лопахин говорит о том, как были бы поражены его успехами дед и отец, если бы восстали из гробов. Трофимов патетически произносит речь о крепостных, замученных в этой усадьбе и глядящих на нас с каждой вишенки. «Могила» и «кладбище» служат символом суетности человеческой жизни и бренности всего земного.

Символичен в этом произведении и белый цвет.

«Белый цвет... Беспечность. Легкие белые платья. Озноб. Цвет цветущей вишни — символ жизни, и цвет белых платьев, как саванов, — символ смерти. Круг замыкается», —

так говорит о белом цвете в пьесе актриса Алла Демидова, исполнительница роли Раневской в постановке А. Эфроса. Белый цвет не только «могильный», но и «воздушный», не только призрачный, но и прозрачный, «светлый». Он создает ауру возможной гармонии жизни, которая мечталась, но не осуществилась.

И наконец, самый важный герой-символ этого произведения — Вишневый сад. Конечно, это не просто место действия. Это центр произведения, главный герой. Его любят, о нем сожалеют, о нем мечтают, им хотят овладеть, от него отрекаются, его предают и убивают. Вишневый сад одушевлен. Его душа безвинна, прекрасна, щедра, полна любви. Автор как бы оценивает каждого человека в этой пьесе по отношению к саду. Одни его любили и предали — Раневская и Гаев. Другие мечтали о нем, в конце концов овладели им, «совершенствуя», убили — Лопахин. Третьи, в силу своей молодости и энергии, могли бы спасти его, но они мечтают о каком-то небывалом будущем саде и отрекаются от уже существующего — Аня и Петя Трофимов.

Вишневый сад — это память предков, это красота, это чувство родины, это культура. Действительно, «вся Россия — наш сад!» И это то, что оказалось обречено на уничтожение в начале XX века.